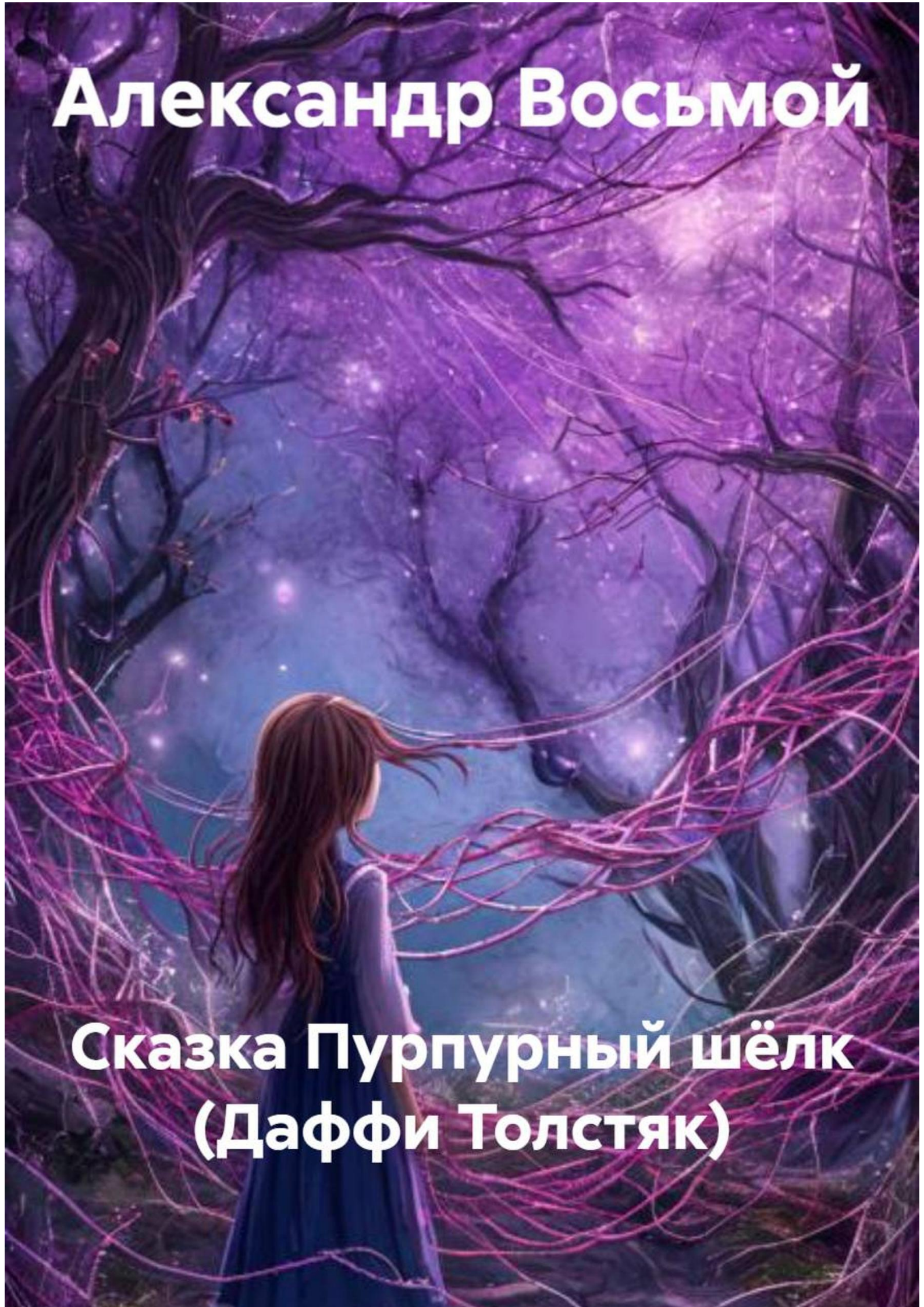

A girl with long brown hair, seen from behind, stands in a dark, ethereal forest. She is wearing a blue dress. The forest is filled with gnarled, dark trees and a dense web of thin, glowing purple branches that resemble spiderwebs. The air is filled with soft, glowing purple and blue particles, creating a magical atmosphere. The background is a deep blue with more glowing particles.

Александр Восьмой

**Сказка Пурпурный шёлк
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**Сказка Пурпурный
шёлк (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Сказка Пурпурный шёлк (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Мастера, плетущие пурпурными нитями, способны соединять судьбы, исцелять разбитые сердца и даже менять прошлое — но каждая нить имеет свою цену. Юная ученица, унаследовавшая дар, сталкивается с тайной, которая может разрушить всё, что ей дорого. Ей предстоит научиться видеть скрытые связи между людьми и понять, что истинная магия — в умении отпускать. Сказка о судьбе, выборе и невидимых узах, что связывают нас друг с другом.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Сказка Пурпурный шёлк (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Шёпот пурпурных нитей»

Мастерская Мары пряталась в самом сердце старого города, там, где улицы сужались до узких щелей между домами, а воздух был густ от запахов нагретого камня, сухих трав и чего-то неуловимо древнего — будто сама тишина здесь хранила чужие секреты. Сюда не долетал городской шум, и даже ветер, казалось, боялся потревожить покой этого места.

Лира стояла на пороге, сжимая пальцы так, что ногти впивались в ладони. Ей было всего двенадцать, но сегодня всё должно было измениться — сегодня она должна была прикоснуться к настоящему дару. Мара, её наставница, сидела у окна, где последние лучи заходящего солнца окрашивали стекло в медно-алый цвет. Её лицо, изрезанное морщинами, было спокойно, но в глазах тлел огонь, который Лира никак не могла разгадать — то ли предвкушение, то ли тревога.

— Ты готова? — тихо спросила Мара, не глядя на девочку.

Лира кивнула, хотя внутри всё дрожало. Она была готова столько, сколько могла быть готова та, кто всю жизнь слышала шёпот о мастерах пурпурного шёлка, но никогда не верила, что это коснётся её. И вот теперь — коснулось.

Мара медленно поднялась и подошла к большому деревянному сундуку, стоявшему в углу комнаты. Он был покрыт резьбой, изображавшей переплетённые линии, спирали и крошечные фигурки людей, словно застывших в танце. Когда Мара откинула крышку, Лира невольно задержала дыхание.

Внутри, на мягкой бархатной подкладке, лежали катушки. Но не простые — каждая из них была обмотана нитями глубокого пурпурного цвета, такого насыщенного, что он казался почти живым. Они мерцали, будто в них прятались отблески далёких закатов, и, когда свет падал на них под определённым углом, казалось, что по поверхности пробегают едва заметные волны — как рябь на воде.

— Это пурпурный шёлк, — прошептала Мара, доставая одну из катушек. — Он не просто ткань. Он — память. Он слышит то, что люди не говорят вслух. Помнит слёзы, которые высыхают до того, как их успевают заметить. Знает страхи, спрятанные глубоко внутри.

Лира протянула руку, но тут же отдернула её, будто обожглась.

— А если я не смогу? — прошептала она. — Если я сделаю что-то не так?

Мара посмотрела на неё долгим взглядом, в котором смешались строгость и нежность.

— Именно поэтому ты должна попробовать. Дар не даётся тем, кто ждёт идеального момента. Он даётся тем, кто решается шагнуть в темноту, даже когда ноги дрожат.

С этими словами Мара вложила катушку в руки Леры. Пурпурная нить была тёплой, почти горячей, и в тот же миг Лира почувствовала, как что-то шевельнулось внутри неё — не её мысль, не её чувство, а чужое, далёкое, пронзительное.

Это был страх. Острый, ледяной, сжимающий грудь так, что становилось трудно дышать. И крик — беззвучный, но такой громкий, что он заглушал все остальные звуки мира. Лира увидела вспышку: тёмную комнату, дрожащие руки, тень, скользнувшую в угол... и затем — тишина, тяжёлая, как мокрый плащ.

Она отпрянула, выронив катушку. Та упала на пол, и пурпурная нить, выскользнув, потянулась за ней, словно живая змея.

— Тихо, тихо, — Мара быстро опустила её рядом, накрывая нить ладонью. — Не бойся. Это первое прикосновение всегда самое сильное. Ты нечаянно сплела нить — самую первую. И она показала тебе чьё-то воспоминание. Не твоё. Чужое.

Лира смотрела на неё широко раскрытыми глазами, в которых стояли слёзы.

— Я не хотела... Я не знала...

Мара мягко улыбнулась, но в её улыбке не было лёгкости.

— Никто не знает, когда впервые сплетает нить. Это как первый шаг в темноте — ты не видишь дороги, но ноги всё равно двигаются. Главное — помнить: каждая нить имеет цену. И чем ярче воспоминание, тем тяжелее плата.

В мастерской стало темнее — солнце окончательно скрылось за крышами домов, и только слабый свет масляной лампы разгонял сгущающуюся тьму. Пурпурные нити в сундуке едва заметно мерцали, будто перешёптывались друг с другом. Лира вдруг поняла, что они действительно шепчут — не словами, а ощущениями: горечью, надеждой, тоской, любовью... Целый океан чувств, спрятанный в тончайших волокнах.

— Что мне теперь делать? — спросила Лира, голос её дрожал, но в нём уже слышалась решимость.

Мара встала, подошла к большому ткацкому станку, стоявшему у дальней стены, и провела рукой по его деревянным деталям.

— Теперь ты начнёшь учиться. Ты будешь учиться видеть связи между людьми, понимать, где нить истончилась, где её нужно укрепить, а где — позволить ей разорваться. Ты будешь учиться слышать шёпот пурпурных нитей. И самое главное — ты будешь учиться отпускать.

Лира подошла ближе, осторожно подняла катушку и снова взяла нить в руки. На этот раз она не отпрянула. Вместо этого она закрыла глаза и прислушалась. И сквозь собственный страх, сквозь дрожь в пальцах, она услышала тихий, едва уловимый шёпот — не слова, а ощущение тепла, которое говорило: «Ты не одна. Мы здесь. Мы поможем тебе научиться».

Так началась её дорога — дорога, которая должна была привести её к пониманию того, что истинная магия — не в том, чтобы держать всё под контролем, а в умении видеть невидимое и принимать то, что нельзя изменить.

А пурпурные нити продолжали шептать — тихо, настойчиво, бесконечно.

Глава 2. «Цена одного стежка»

Ночь опустилась на мастерскую, укутав её плотным, бархатным покрывалом тьмы. Лишь тонкая полоска лунного света, пробившаяся сквозь щель в ставнях, легла на пол серебряной дорожкой, будто приглашая куда-то, куда Лире пока не хотелось идти. В воздухе витал терпкий запах сухих трав — Мара всегда развешивала их под потолком, чтобы отгонять дурные сны, но сегодня даже этот знакомый аромат казался Лире чужим, будто пропитанным тревогой.

Катушка с пурпурной нитью лежала на столе, словно маленькая ловушка. Лира смотрела на неё, и в груди всё сжималось от желания исправить то, что она натворила вчера. Чужое воспоминание — ледяной страх, беззвучный крик — до сих пор царапало изнутри, как застрявшая заноза. Ей казалось, что если она просто распутает нить, вернёт всё как было, то этот чужой ужас исчезнет, растворится, будто его и не было.

— Нельзя, — голос Мары прозвучал неожиданно близко, и Лира вздрогнула. Старуха стояла в дверях, закутанная в тёмный плащ, её лицо было наполовину скрыто тенью. — Нити не прощают суеты. Каждый стежок берёт свою цену.

Лира сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Но я не хотела этого видеть! — вырвалось у неё. — Я не хотела знать чужой страх! Разве нельзя просто... стереть?

Мара медленно подошла к столу, взяла катушку и повертела её в пальцах. Пурпурная нить в лунном свете казалась почти чёрной, будто впитала в себя всю тьму ночи.

— Ты думаешь, магия — это ластик, которым можно стереть ошибку? — спросила Мара, и в её голосе не было ни гнева, ни насмешки — только глубокая, усталая печаль. — Пурпурный

шёлк не стирает. Он помнит. И чем сильнее желание что-то забыть, тем крепче нить держит это воспоминание.

Лира опустила глаза, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Тогда что мне делать? — прошептала она. — Я чувствую этот страх каждый раз, когда закрываю глаза. Он не мой, но он внутри меня.

Мара вздохнула, села на табурет и жестом велела Лире сделать то же самое.

— Слушай, — сказала она, и её голос стал тише, мягче, будто она рассказывала не урок, а сказку. — Магия пурпурного шёлка — это не про силу. Это про равновесие. Чтобы исцелить одно сердце, нужно отдать частичку своего покоя. Чтобы соединить две судьбы — пожертвовать мгновением счастья. Каждая нить — это обмен. Ты берёшь боль, чтобы кто-то другой мог дышать свободно. Ты отдаёшь кусочек себя, чтобы другой мог стать целым.

Лира подняла голову, в её глазах застыл немой вопрос.

— Значит, чтобы убрать этот страх... мне нужно что-то отдать? — переспросила она.

Мара кивнула.

— Да. Но не так, как ты думаешь. Ты не можешь просто «распутать» нить. Это не клубок шерсти, который можно размотать. Если ты потянешь за конец, ты можешь разорвать связь, которая держит кого-то на плаву. А это — худшее, что может сделать мастер.

Лира вдруг вспомнила старика из соседней деревни, о котором ей рассказывала Мара, — того, чья нить истончилась до прозрачности, потому что он забыл, как улыбаться. Она представила, что было бы, если бы кто-то в панике попытался «стереть» его боль, не думая о последствиях. И ей стало страшно — не за себя, а за весь мир, который оказался таким хрупким.

— Расскажи мне правила, — попросила Лира, и в её голосе уже не было упрямства, только тихая решимость. — Расскажи, как не навредить.

Мара улыбнулась — едва заметно, краешком губ.

— Первое правило: никогда не действуй из страха. Страх делает руки дрожащими, а решения — поспешными. Второе: всегда спрашивай себя: «Что я готов отдать?» Не «что я хочу получить», а «что я готов отдать». И третье... — она помолчала, будто подбирая слова. — Третье правило самое трудное: иногда лучшее, что ты можешь сделать, — это ничего не делать. Позволить нити быть такой, какая она есть. Потому что даже боль — это часть чьей-то истории.

Лира слушала, и с каждым словом мир вокруг становился чуть яснее, но и чуть тяжелее. Она поняла, что магия — это не волшебство, которое решает все проблемы, а тяжёлый труд, где каждая победа стоит чего-то важного.

— А как же тогда помочь? — спросила она. — Если я не могу стереть, не могу распутать... что мне остаётся?

Мара встала, подошла к ткацкому станку и провела рукой по натянутым нитям. Они тихо зазвенели, будто откликнулись на её прикосновение.

— Ты можешь переплести, — сказала она. — Не стереть, а смягчить. Ты можешь вплести в эту нить немного света — своего спокойствия, своей веры, своего тепла. Но помни: этот свет будет стоять тебе частички себя. Ты станешь чуть менее спокойной, чуть менее уверенной... но тот, кому ты помогаешь, станет сильнее.

Лира встала, подошла к станку и осторожно коснулась нитей. Они были тёплыми, почти живыми, и в их шёпоте она вдруг услышала не только чужую боль, но и что-то ещё — тихий, упрямый голос, который шептал: «Я держусь. Я ещё держусь».

— Покажи мне, — попросила она. — Покажи, как вплести свет.

Мара кивнула, взяла в руки иглу с пурпурной нитью и начала медленно, размеренно делать стежки. Каждый стежок был как вдох, каждый узел — как обещание. Лира следила за её движениями, запоминая каждый изгиб, каждый поворот иглы.

— Смотри, — говорила Мара. — Когда ты делаешь стежок, ты не просто соединяешь нити. Ты соединяешь чувства. Ты говоришь: «Я вижу твою боль. Я не забираю её, но я разделяю её с тобой». И в этот момент ты отдаёшь частичку своего покоя. Это и есть цена.

Лира протянула руку и осторожно взяла иглу. Её пальцы дрожали, но она не отступила. Первый стежок получился неровным, неуклюжим, но когда она затянула узел, по нити пробежала едва заметная искра — как отблеск рассвета на тёмной воде.

И вдруг чужой страх, который давил на неё всю ночь, стал чуть слабее. Не исчез, нет — он всё ещё был там, тихий, но настойчивый. Но теперь он не казался таким всепоглощающим. Будто Лира взяла его не в одиночку, а вместе с кем-то ещё.

Она подняла глаза на Мару, и в её взгляде было столько благодарности, что старуха едва заметно кивнула, словно говоря: «Ты поняла. Ты начала понимать».

В мастерской постепенно светлело — ночь уступала место рассвету, и пурпурные нити на станке мерцали теперь не зловещим, а тёплым, золотистым светом. Лира сидела, сжимая в руках иглу, и чувствовала, как внутри неё растёт что-то новое — не сила, а ответственность. Она поняла, что магия — это не власть над чужими судьбами, а готовность нести чужой груз, зная, что он оставит следы на твоих плечах.

А пурпурные нити продолжали шептать — теперь уже не только о боли, но и о надежде, о терпении, о тихом мужестве тех, кто решается отдать частичку себя ради других.

И Лира слушала. И училась. И готовилась к тому, что впереди её ждёт не только свет, но и тени — и что каждый стежок будет стоить ей чего-то важного. Но теперь она знала: это цена, которую стоит заплатить.

Глава 3. «Тени на полотне судьбы»

Утро в мастерской выдалось странным — воздух был неподвижен, будто весь мир затаил дыхание. Даже пыль, обычно кружившаяся в солнечных лучах, лежала смирно, словно боялась нарушить эту неестественную тишину. Лира чувствовала это напряжение кожей: оно стягивало плечи, заставляло вздрагивать от каждого шороха. Вчерашний урок всё ещё отзывался в ней — тяжесть первого стежка, горечь понимания, что за каждое доброе дело придётся платить собой.

Мара сегодня была непривычно молчалива. Она не торопилась, двигалась размеренно, будто каждое её действие было частью сложного, давно заученного ритуала. Подойдя к дальней стене мастерской, она потянула за едва заметный выступ в деревянной обшивке. С тихим скрипом часть стены отъехала в сторону, открывая нишу, скрытую от посторонних глаз.

Лира замерла. В нише, натянутое между массивными деревянными балками, висело полотно — огромное, во всю стену, и такое древнее, что края его местами истрепались, будто время потихоньку обкусывало его по краям. Но главное — оно было живым.

Каждая нить в нём пульсировала, мерцала, переливалась оттенками — от нежно-розового до глубокого, почти чёрного пурпура. Некоторые нити были тонкими, как паутинка, другие — толстыми и тугими, словно канаты. Они сплетались, расходились, завязывались в узлы, и в этих узорах Лира вдруг увидела не просто переплетение волокон, а целую вселенную судеб.

— Это полотно судьбы, — тихо произнесла Мара, не отрывая взгляда от мерцающей ткани. — Каждая нить — человеческая жизнь. Каждый узел — встреча, каждое переплетение — связь, которую люди создают, даже не замечая этого.

Лира шагнула ближе, почти касаясь полотна кончиками пальцев, но не решаясь дотронуться. Её взгляд скользил по бесконечным линиям, пытаясь уловить в их танце хоть какой-то смысл. И вдруг она заметила их — тёмные нити. Почти чёрные, они резко выделялись на фоне остальных, словно кто-то вылил на полотно капли густой, непроглядной тьмы. Они не мерцали, не пульсировали — они лежали тяжело, неподвижно, будто мёртвые.

— А это... что это? — прошептала Лира, указывая на одну из таких нитей. Голос её дрогнул, будто она боялась, что само упоминание этих нитей может разбудить что-то опасное.

Мара долго молчала. Так долго, что Лира уже подумала, что наставница не ответит. Но наконец Мара вздохнула — глубоко, тяжело, будто этот вздох поднимался откуда-то из самых глубин её души.

— Это те, кто забыл, как отпускать, — произнесла она тихо, почти шёпотом, будто боялась, что стены мастерской могут подслушать эти слова. — Когда человек цепляется за прошлое, за боль, за обиду — он стягивает свою нить в тугой узел. Он не даёт ей двигаться дальше. Со временем нить темнеет, становится жёсткой, теряет свет. И если так продолжается слишком долго... она рвётся.

Лира смотрела на чёрную нить, и ей казалось, что она чувствует её холод даже на расстоянии.

— Но разве нельзя её распутать? — спросила она. — Как мы вплетаем свет в боль, разве нельзя вернуть свет и этим нитям?

Мара покачала головой.

— Не всегда. Иногда узел затягивается так крепко, что распутать его — значит причинить ещё большую боль. Иногда лучшее, что можно сделать, — это помочь человеку научиться отпускать. Но это самое трудное искусство из всех.

Лира опустила голову, чувствуя, как в груди разрастается тяжесть. Мир вдруг стал слишком большим и слишком хрупким. Каждая нить — чья-то жизнь. Каждый узел — чья-то боль. И она, маленькая девочка с дрожащими руками, должна научиться видеть всё это, понимать и, возможно, помогать.

Остаток дня прошёл в молчании. Мара показывала Лире, как различать оттенки нитей, как по их вибрации угадывать, где связь крепкая, а где — на грани разрыва. Лира старалась запомнить каждое слово, каждый жест, но в голове у неё всё смешалось — цвета, оттенки, узлы, переплетения. К вечеру она так устала, что едва держалась на ногах.

Мара уложила её спать на узкой кровати в углу мастерской, укрыла старым шерстяным пледом и тихо сказала:

— Отпусти сегодняшний день. Не пытайся удержать его, разобрать по кусочкам. Пусть он уляжется сам.

Лира хотела возразить, сказать, что не сможет уснуть, что в голове слишком много мыслей. Но усталость взяла своё, и она провалилась в сон быстрее, чем успела договорить.

И тогда пришёл кошмар.

Она снова стояла перед полотном судьбы, но теперь оно было не таким, как днём. Оно потемнело, будто кто-то погасил все огни. Нити больше не мерцали — они висели неподвижно, как высохшие лианы. И в этой тьме двигалась фигура.

Высокий человек в длинном чёрном плаще, лицо которого скрывал глубокий капюшон. В руках у него были ножницы — огромные, с изогнутыми лезвиями, отливающими зловещим тёмно-фиолетовым блеском. Обсидиан. Лира знала этот камень — холодный, безжалостный, острый, как сама тьма.

Фигура подходила к полотну, выбирала нить и одним резким движением обрезала её.

Чпок.

Тихий, почти незаметный звук, от которого у Лир сжималось сердце.

Чпок. Чпок.

Одна за другой нити падали вниз, безжизненные, оборванные. Полотно становилось всё более рваным, всё более пустым.

Лира хотела закричать, броситься вперёд, схватить незнакомца за руку, остановить его. Но ноги её будто приросли к полу, а голос застрял в горле. Она могла только смотреть, как разрушается то, что казалось вечным.

Когда фигура повернулась к ней, Лира увидела его лицо — или то, что от него осталось. Пустота. Не маска, не тень, а именно пустота, словно там, где должны были быть черты, ничего не существовало. И эта пустота смотрела на неё, и в этом взгляде не было ни злобы, ни радости — только холодное, безразличное намерение.

Он поднял ножницы, направил их на одну из нитей — и Лира вдруг поняла, что это её нить. Пурпурная, но уже тронутая тёмными прожилками от вчерашних страхов и сомнений.

«Нет!» — хотела крикнуть она. Но вместо крика из горла вырвался лишь хриплый шёпот.

Лезвия сомкнулись.

Лира проснулась с резким вдохом, будто вынырнула из-под воды. Сердце колотилось где-то в горле, ладони были мокрыми от пота, а в ушах всё ещё стоял тихий, зловещий «чпок» — звук разрываемой нити.

В мастерской было темно. Лишь слабый лунный свет пробивался сквозь ставни, рисуя на полу серебристые квадраты. Мара сидела у окна, неподвижная, словно вырезанная из тени. Она не спала.

— Ты видела его, — не спросила, а утвердила она, не оборачиваясь.

Лира кивнула, хотя Мара не могла этого видеть. Горло всё ещё сжимало, слова не шли.

— Кто это? — наконец прошептала она.

Мара медленно повернулась. В её глазах отражался лунный свет, делая их похожими на два маленьких холодных озера.

— Тот, кто хочет разорвать все связи, — тихо ответила она. — Тот, кто верит, что мир станет чище, если убрать из него все узы — любовь, дружбу, память. Он называет это освобождением. А мы называем разрушением.

Лира обхватила себя руками, будто пытаясь удержать внутри ту дрожь, которая никак не хотела униматься.

— Он хочет... оборвать мою нить? — спросила она, и собственный голос показался ей чужим, тонким, как натянутая струна.

Мара встала, подошла к ней, присела рядом и положила тёплую, шершавую ладонь на её плечо.

— Пока ты помнишь, как отпускать — он не сможет этого сделать, — сказала она твёрдо. — Его сила в привязанности к боли, в нежелании двигаться дальше. Твоя сила — в способности прощать, в умении видеть свет даже в самых тёмных узорах.

Лира посмотрела на полотно судьбы, едва различимое в полумраке. Теперь она видела в нём не просто переплетение нитей, а бесконечную, хрупкую сеть, которую нужно беречь. И она поняла: её путь только начинается. Впереди будут испытания, потери, страхи. Но теперь она знала, против чего ей предстоит бороться.

А за окном ночь всё ещё держала город в своих тёмных объятиях, и где-то там, в её глубинах, фигура в чёрном плаще ждала своего часа.

Полотно судьбы продолжало мерцать, тихо напоминая: каждая нить важна. Каждая связь — драгоценна. И пока есть те, кто готов их беречь, тьма не победит.

Глава 4. «Город, забывший цвет»

Путь до города занял полдня. Сначала дорога вилась между зелёных холмов, где ветер играл с высокой травой, а в воздухе пахло мёдом и нагретой солнцем землёй. Лира шла, стараясь не думать о том, что ждёт её впереди, и ловила себя на том, что невольно вглядывается в каждый куст, в каждую птицу, будто искала в них подтверждение: мир ещё жив, мир ещё цветёт. Но чем ближе она подходила к городу, тем тише становилось вокруг. Птицы умолкали. Трава будто прижималась к земле. Даже ветер, казалось, боялся дуть слишком сильно.

А потом город появился на горизонте — не как яркая точка на карте, не как место, куда хочется спешить, а как серое пятно, будто кто-то пролил на пейзаж разбавленную водой тушь. Дома стояли плотно, прижавшись друг к другу, но в этом соседстве не было уюта — только усталость. Крыши потемнели от времени, ставни были закрыты, словно город зажмурился, чтобы не видеть самого себя.

Лира остановилась на краю дороги, сжимая в руках маленький моток пурпурного шёлка — её единственное оружие против того, что здесь происходило. Она вспомнила слова Мары: «Не пытайся сразу всё исправить. Сначала посмотри. Услышь. Почувствуй».

И она прислушалась.

Город дышал, но это было не ровное, спокойное дыхание, а тихий, прерывистый вздох, будто он давно привык к боли и уже не замечал её. Звуки здесь были приглушёнными, словно кто-то накрыл город толстым шерстяным одеялом. Голоса звучали шёпотом, даже когда люди пытались говорить громко. Смех, если он и рождался где-то в глубине дворов, быстро затихал, как эхо в пустой комнате.

Первый человек, которого встретила Лира, был мальчик лет десяти. Он стоял у забора, держа в руках потрёпанную деревянную лошадку. Когда Лира улыбнулась ему и сказала «привет», он вздрогнул, будто её голос ударил его, и быстро спрятал игрушку за спину.

— Не надо, — прошептал он, не глядя на неё. — Не надо шуметь.

— Я не шумела, — тихо ответила Лира. — Я просто поздоровалась.

Мальчик поднял на неё глаза — серые, как небо перед дождём, и в них не было ни любопытства, ни радости, только усталость и страх.

— Здесь не здороваются, — сказал он. — Это... тревожит.

И, не дожидаясь ответа, он юркнул в калитку и исчез за серой стеной дома.

Лира стояла, чувствуя, как внутри разрастается холод. Не от ветра, не от тени — от этого странного, неестественного спокойствия, которое на самом деле было не покоем, а оцепенением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.